

Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье

Юрий В. Ширин^{a, b, @, ID}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

^b Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, г. Новокузнецк

@ shirin_a@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2116-1677>

Поступила в редакцию 13.12.2019. Принята к печати 09.01.2020.

Аннотация: Рассматриваются методические и методологические проблемы археологических исследований памятников Нового времени. Показаны особенности полевых и камеральных работ на таких объектах. Отмечено усиление вспомогательной роли археологии для Нового времени – периода коренных изменений в демографической и политической обстановке Сибири. В этих условиях началось формирование новых социально-территориальных групп, а также включение их в процессы глобализации. Региональные исторические проблемы могут решаться только с учетом широкого исторического фона. Археология Нового времени может значительно расширить круг источников для историков и этнографов, но для этого необходимо тесное междисциплинарное взаимодействие. Только с учетом задач, сформулированных историками, работа археологов будет максимально успешной. Автором предложен вариант развернутой программы для накопления и анализа археологических материалов по одной из тем (трансформация культурных комплексов коренных жителей Притомья в XVII–XVIII вв.). Этот процесс проходил в Притомье не только под влиянием различных групп пришлого русского населения, но и отдельных групп саяно-алтайских этносов. Сделан акцент на том, что область интересов археологии Нового времени шире, чем охват развивающейся в последние годы русской археологии. Для успешной реализации программ археологии Нового времени необходимо разрабатывать методический и методологический аппарат исследований, готовить кадры.

Ключевые слова: постсредневековая археология, межэтническое взаимодействие, Кузнецкая котловина, ассимиляция, культурное наследие, методология

Для цитирования: Ширин Ю. В. Проблемы исследования памятников Нового времени в Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 107–114. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114>

Введение

Одна из наиболее перспективных тем исследования археологических памятников Нового времени¹ Притомья и Кузнецкой котловины – это трансформация культурных комплексов коренных жителей края в XVII–XVIII вв. в ходе адаптации к новым условиям после включения в состав России.

В этнографической практике уже существует положительный опыт анализа культуры современных народов Притомья [1–3]. Однако культурные объекты различных этнотерриториальных групп региона, которые доступны этнографам, позволяют реконструировать состояние бытовых комплексов в сильно трансформированном виде, а исходное их состояние остаётся предположительным. В силу этого многие высказанные этнографами гипотезы требуют корректировки, чему могут поспособствовать археологические материалы Нового времени.

Предпосылки становления археологии Нового времени

Привлечение археологов к исследованию объектов культурного наследия Нового времени в России и в Сибири,

в частности, имеет немалый опыт. Но до недавнего времени эти работы носили случайный характер: они не имели необходимого юридического обоснования, не существовало соответствующих программ подготовки специалистов. О создании особого научного направления также никто не задумывался. К концу XX в. исключение составляла только т. н. *русская археология*. Она и в настоящее время дает примеры прекрасных комплексных исследований [4]. Для Кемеровской области интерес к объектам русской археологии, несмотря на длительную историю таких исследований, пока ограничивается аварийными раскопками [5]. При изучении культурного слоя старинных русских городов Сибири археологи невольно изучали как комплексы XVI–XVIII вв., так и более молодые [6–8]. Впрочем, последним до недавнего времени не уделялось должного внимания. В 2000 г. всем археологам, ведущим полевые исследования в азиатской части России, Институтом археологии РАН было разослано письмо с рекомендацией обратить пристальное внимание не только на старинные сибирские города, но и на наиболее старые

¹ В зарубежной литературе, где термин *Новое время* практически не используется, этот раздел археологии обычно обозначается понятием *постсредневековая археология*.

сельские поселения: «Памятники русского населения Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в. подлежат учёту, охране и исследованиям наравне с другими объектами археологического наследия»². Тем не менее, когда в 2013 г. было сделано дополнение к федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», по которому к объектам археологии были отнесены «следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет»³, отечественная археология оказалась к этому явно не готова.

С изменением правового поля возникли проблемы, вызванные отсутствием подзаконных актов к принятым законам по обеспечению ограничений на землепользование в черте действующих и развивающихся населенных пунктов с древней историей, а также по организации и финансированию охранных работ на этих территориях. Но оставим в стороне правовую сторону вопроса и обратимся к узко-профессиональным проблемам, стоящим перед археологией Притомья Нового времени.

Методологические проблемы

При определении задач археологии Нового времени мы должны провозгласить очевидную вещь: для археологии в этом ее разделе в еще большей степени, чем обычно, отведена роль вспомогательной дисциплины. На первых этапах своего становления она должна быть подчинена целям, которые ставят историки в исследованиях исторических проблем Нового времени. Эти цели должны быть сформулированы на основе комплексного анализа всех доступных видов исторических источников. В дальнейшем, помимо совершенствования методик технической фиксации исследуемых объектов и активного участия в решении поставленных историками задач, археология Нового времени должна стремиться к постановке актуальных проблем. В противном случае археологические исследования памятников Нового времени окажутся весьма непродуктивными и ограничатся изъятием из культурного слоя артефактов, которые сами по себе редко представляют особую культурную ценность: обломков посуды и прочей бытовой утвари, массовых монет, скобяных изделий, мебельной фурнитуры, инструментов, элементов одежды и обуви. Большинство из перечисленных объектов представлено в уже существующих собраниях музеев в гораздо лучшем качестве.

Раскопки памятников Нового времени позволяют получить серийный рядовой материал, который обычно в музеях отсутствует. В этом один из положительных результатов обращения археологов к новым объектам исследования. Но следует напомнить, хотя это и тривиально, что не находки являются основной целью любых археологических работ.

Не оправданы надежды некоторых археологов на то, что при обращении к результатам археологических раскопок памятников Нового времени удастся решить ряд проблем традиционной археологии древних периодов, например, проблемы миграций или культурных адаптаций в контактных зонах. Прежде всего, должна быть ясна методологическая несостоятельность таких ожиданий. Системные различия демографических и социальных условий любых процессов Нового времени с условиями древних эпох Сибири делают совершенно некорректными любые параллели.

На данный момент не ясно, что должно стать объектом особого внимания при угрозе утраты объектов археологического наследия Нового времени. Методики исследования руинированных объектов Нового времени вырабатываются на ходу, спонтанно и индивидуально. Они не обрели еще форм методических рекомендаций. Особую проблему в археологии Нового времени, несомненно, составит и выработка принципов отбора недвижимых объектов для возможной музеефикации, а также принципов их консервации и реставрации. Пока такой опыт на территории Кемеровской области, при этом весьма незначительный, накоплен только при исследовании Кузнецкой крепости.

Методические проблемы

Попытки приспособить привычные методики к решению совершенно новых задач оказались неэффективными. Интуитивно понятна только бессмысленность переноса всех принципов работы с культурным слоем и массовым материалом, применяемых при исследовании древних памятников, на комплексы Нового времени. Исследователи, вынужденные по формальным требованиям их придерживаться, в последнее время сталкиваются с тем, что они не в состоянии передать полученные коллекции в фонды государственных музеев, а специальных хранилищ (депозитариев) для массового археологического материала в нашей стране еще нет.

Как ни удивительно, но при организации археологических исследований объектов археологии Нового времени следует уделять особое внимание технологии раскопок, в частности фиксации стратиграфии выявляемых объектов. Это связано с тем, что формирование культурного слоя в условиях Нового времени обладает рядом существенных отличий от архаичных периодов как по скорости накопления, так и по механизмам трансформаций и утрат отдельных элементов. Для учета этих свойств современных отложений культурного слоя можно позаимствовать ряд наработок исследования античных городов, но лучше всего для этого подходит технология, разработанная и применяемая в городской археологии Англии [9]. Идеальным будет привлечение узких специалистов для характеристик особенностей вмещающего

² Письмо Института археологии РАН от 30.11.2000 г. № 14102/217-2-106.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ // Гарант. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70419172/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.12.2019).

материала отдельных прослоек культурного слоя. В ряде случаев это дает дополнительную информацию.

Иначе следует подойти к отбору и обработке массового материала: керамики, строительного мусора, скобяных изделий, стекла, тары всех видов, пищевых отходов и остатков всевозможных производств и бытовых процессов. Для археологии Нового времени чаще всего не требуются методики формально-типологического анализа. Практически для всех артефактов есть возможность найти реальные типологии, отраженные в письменных источниках и производственных нормативах, описанные в различных этнографических комплексах. Прежде всего, это касается керамики. Но для обработки массы фрагментов гончарной керамики можно рекомендовать использование статистических таблиц, разработанных для позднесредневековых русских памятников [10]. Правда, эти таблицы требуют корректировки с учетом региональных особенностей гончарства. Еще одним примером излишних типологических усилий могла бы стать попытка создания типологии гвоздей из культурного слоя памятников XVII–XVIII вв. Гвозди для Нового времени уже имеют устойчивую типологию, основанную на стандартизации строительных работ, в которых они массово используются.

К сожалению, достаточно часто приходится встречать ошибки в атрибуции находок из объектов Нового времени, доходящие до анекдотических случаев [11]. Эти примеры показывают, что многие детали бытовой культуры XVIII–XIX вв. и даже первой половины XX в. малознакомы современному человеку. Также весьма показательны очень частые ошибки в интерпретации предметов личного благочестия совсем недавнего прошлого [12]. Исследователям, работающим с поздними археологическими слоями, необходимо расширение вещеведческого кругозора путем обращения к различным музейным и частным коллекциям. Помимо этого, необходимо формирование региональных каталогов массового материала.

Глобализация мировой экономики, истоки которой лежат в начале Нового времени, вносит свои коррективы в привычные методы подбора аналогий и культурных параллелей. Обращение к международному опыту исследования памятников Нового времени – обязательное требование. У зарубежной постсредневековой или исторической археологии есть чему поучиться. В Западной Европе регулярно проводятся конгрессы по постсредневековой археологии [13], функционируют разнообразные общества, разрабатывающие те или иные узкие темы в рамках этого направления. У нас же подобная практика только начинает набирать обороты, пока в очень небольших объемах [14]. На сибирском материале положительный пример обмена региональным опытом дает проведение регулярных конференций в рамках русской археологии [15].

О церковной археологии

Особый круг проблем связан с исследованием некрополей Нового времени. Такие работы в последние десятилетия проводятся все чаще [16–18]. Они, несомненно, необходимы,

если альтернативой является полный снос. Но процедура эта весьма близка к эксгумации и требует законодательной, а также методической проработки. Многие археологи, невольные участники таких работ, сталкиваются с разнообразными проблемами морально-этического характера. Неоднозначны позиции музейных работников в части принятия материалов, полученных при исследованиях кладбищ Нового времени. Эти проблемы ждут своего решения. Не снимается и медицинский аспект бактериологических угроз вскрытия погребений недавнего прошлого. Остается сожалеть о неразвитости церковной археологии. Это направление должно в ближайшее время получить относительную самостоятельность в рамках археологии Нового времени, подобно тому как это было в XIX – начале XX в. Необходима срочная фиксация почти полностью утраченных сельских культовых объектов XIX–XX вв. Там, где ведутся реставрационные работы старых церковных зданий, не всегда соблюдаются требования участия в работах археологов. Культовые памятники если и попадают в поле внимания органов охраны культурного наследия, то механизм взаимодействия в рамках охраняемых обязательств между церквями и госорганами плохо организован. Все же опыт продуктивного взаимодействия археологов и Русской православной церкви уже накапливается [19].

Этническая проблематика в археологии Притомья Нового времени

В число памятников археологии Притомья Нового времени попадают не только условно русские, но и те, которые принадлежат потомкам коренных сибиряков «дорусского периода». Притомье во все времена было территорией мозаичного этнического расселения, что отражается в материале древних археологических памятников и в культуре народов Нового времени.

Из-за нестабильности этносоциальных образований, в которые в «дорусский» период регулярно оказывались включены обитатели этого региона, здесь не складывались устойчивые этнические образования и была очень велика миграционная активность. В этнографической характеристике местных этнических групп обращает на себя внимание их подверженность влияниям, а также легкость потери традиционной культуры. При этом неоднократно возникающие периоды внутрирегиональной активизации контактов привели к формированию у обитателей региона комплексного хозяйства со сходными элементами материальной культуры.

Механизм своеобразной культурной и языковой ассимиляции оставался естественным приспособительным механизмом существования в полиэтничной контактной зоне вплоть до XVII–XVIII вв. Для всего этого периода, видимо, неверно говорить о каких-либо этапах этнической истории выделяемых в настоящее время на территории Кемеровской области т. н. коренных народов.

С присоединением Южной Сибири к Российскому государству этнические процессы в этом регионе, в том числе на территории современной Кемеровской области,

существенно меняются. При сохранении ассимилятивных явлений наблюдаются интеграционные и консолидирующие процессы. В основе последних лежали изменения в социально-административном устройстве аборигенного населения [20]. К концу XIX – началу XX в. относится формирование шорцев, бачатских телеутов, татар-калмаков. В них растворились ранее существовавшие этно-территориальные группы абинцев, бирюсинцев, ачкыштымов, ячинцев, тюльберов, шуйцев, кумышцев, керетцев, выезжих телеутов и пр. Часть представителей местных этно-территориальных групп вошла в состав новых этносов других административных регионов (алтайцев, хакасов и т. д.), часть обрусела.

Уже с XVII в. наблюдаем тесное взаимодействие пришлого русского населения, как служилого, так и крестьянского, с коренными жителями. Так, в зоне контактов русских с кузнецкими татарами этому способствовала частичная интеграция их хозяйственных комплексов. На протяжении XVII – первой половины XVIII в. кузнецкие татары поставляли в виде ясака и в обмен на товары практически все железо, которое использовалось в хозяйстве русского населения Кузнецкого уезда [21–23].

Такое тесное взаимодействие приводило к ассимиляции коренных жителей со своеобразным обрусением на бытовом уровне, с одной стороны, и к проникновению черт культуры аборигенов в бытовую комплекс российских переселенцев, с другой. Этнический состав последних также был весьма пестрым, не исключались межэтнические браки.

На протяжении всего XVII в. и первой четверти XVIII в. большинство первопоселенцев Притомья происходили из северо-восточной части России. Например, Л. А. Скрыбина указывает, что в томском «Разборном списке» 1680 г. из 818 служилых людей более половины были выходцами из северорусских областей. Из них 372 человека были носителями говоров восточной группы (вожане, вологжане, вычегжане, каргопольцы, соликамцы, устюжане и др.), 39 – северной группы (двиняне, кинозерцы, мезенцы и др.), 20 – западной группы (новгородцы). Остальные распределялись следующим образом: 60 человек говорили на владими́ро-вожском наречии (арзамасцы, балахнинцы, муромцы, нижегородцы, ярославцы), 76 являлись представителями южных говоров (вяземцы, калужане, рязанцы, смоляне, выходцы с Дона), 63 – восточного среднерусского говора (из них 125 москвичей). Также значились 23 украинца, 35 литовцев, 30 поляков [24, с. 17].

Анализ письменных источников XVII–XVIII вв., относящихся к Кузнецкому острогу, свидетельствует, что среди служилых людей Кузнецка также численно преобладали жители восточных районов Русского Севера. Например, в 1719 г. из 68 служилых кузнецких людей 56 были из Устюга Великого, Яренска и Сольвычегодска, 2 – из западных областей русского севера, 5 – из Поморья и из Поволжья [25, с. 95].

Анализ языковой и этнической принадлежности жителей сельской местности Притомья, проведенный в середине XX в., показал не только полицентричность выхода русских

групп, но и наличие в составе поселков представителей финно-угорских, тюркских и иных языков [26]. Многие из них приносили в Притомье особенности материальной культуры прежнего региона обитания.

Пришлые россияне в Притомье и Кузнецкой котловине очень часто расселялись чересполосно с представителями социально-территориальных групп коренных жителей. Кроме русских, в Притомье в Новое время переселялись и представители иных языковых групп, в частности т. н. выезжие телеуты. Они также включились в процесс культурной ассимиляции коренных жителей, формируя новые социально-территориальные группы: калмаков, бачатских и ускатских телеутов. С учетом этого этническая атрибуция выявляемых в Притомье и в Кузнецкой котловине археологических комплексов Нового времени становится весьма непросто́м занятием. Для иллюстрации этого приведем одну из возможных программ комплексного исследования памятников Притомья Нового времени.

Примерная программа исследования памятников Притомья Нового времени

Задачи, решаемые при анализе историко-этнографических и археологических источников и нацеленные на всестороннюю характеристику социально-территориальных групп в составе населения Кузнецкого края XVII–XVIII вв.:

- Выбор и обоснование районирования по историко-этнографическим областям (локальные участки, ландшафтное и географическое обобщение). Ареалы и районирование, отраженные в административном делении.
- Составление перечня этнографических групп для группировки при атрибуции полученных археологических материалов.
- Поиск источников о вхождении в более крупное социально-территориальное объединение (на каких ролях?).
- Определение по архивным материалам XVII–XIX вв. мест расселения с фиксацией (по возможности) представителей различных волостей, локализация поселений (в динамике).
- Выделение культурно единых территорий и мест смешанного проживания локальных групп. Ареалы, численность и распределение населения. Половозрастная структура населенных пунктов. Социальная стратификация различных уровней.
- Определение наименьшей единицы для выделения территории культурного своеобразия (локальная группа, территориальная община, группа родственников и т. п.).
- Историко-этнографическое описание и типология поселений и могильников (картографирование в единых с археологическим масштабах). Их топография и ландшафтная приуроченность. Типы жилых и хозяйственных строений.

- Анализ принципов выбора мест для поселения, могильника, культового места и поэтапного формирования их микротопографии. Планировка и структура погребально-поминальных комплексов. Типы погребально-поминальных сооружений. Погребальные конструкции. Способ погребения. Инвентарь погребально-поминальных и культовых комплексов. Биологический компонент в обрядах.
- Определение продолжительности обитания в жилище, поселке, на производственных площадках.
- Описание и типология интерьеров жилых и хозяйственных построек (с учетом возможности археологической фиксации), их отдельных конструктивных элементов (очаг и т. п.).
- Характеристика хозяйственных занятий, ремесел и промыслов (основные типы хозяйства). Биологический компонент в системе жизнеобеспечения (характеристики вмещающего ландшафта, применительно к определенным типам хозяйства). Подробное описание и анализ технологических традиций, их картографирование (для инвентаря археологически фиксируемого).
- Составление каталога различных категорий этнографических материалов, которые могут быть найдены археологами (из кости, камня, глины, металла и т. п.).
- Характеристика экономических аспектов ведения хозяйства, структуры земельных угодий, традиционных форм землепользования. Вероятная структура земельных угодий. Степень ориентированности на микроареальное освоение угодий (посемейный характер землепользования).
- Характеристика норм потребления продуктов питания, традиционный рацион.
- Измерение отдаленности контактов, их частоты, указание причин. Признаки этнокультурных взаимодействий.
- Картографирование маршрутов межгрупповых, межэтнических контактов с указанием интенсивности и приоритетности направлений, типов контактов. Дороги (основные маршруты, степень развитости инфраструктур, характер преобладающих связей).
- Определение приоритетов в заключении браков (межгрупповых и межэтнических), их мотивация.
- Выявление исторических свидетельств этнокультурных контактов. Степень взаимозависимости соседних социально-территориальных единиц. Возможность кооперации, простой или сложной, в производственной и иных сферах.
- Выявление лексических заимствований (отдельно в области материальной культуры).
- Соотнесение с местоположением сходных предметных комплексов.

- Составление перечня периодов массовых переселений, отселений или притока новых этнических групп (с указанием причин и результатов).
- Определение степени устойчивости территорий обитания. Определение приоритетности в выборе территорий для переселения различных групп. Меняется ли выбор ландшафта и вида хозяйственной деятельности в результате переселения?
- Выделение групп переселяющихся (семья, группа родственных семей, поселок).

С учетом перечисленных задач могут быть построены и соответствующие более узкие программы археологических исследований памятников Нового времени. В частности, элементы этой программы в настоящее время реализуются нами при исследовании традиций металлообработки кузнецких татар XVII–XVIII вв. [23]. Сходные программы могут быть разработаны совместно с историками и по другим исследовательским направлениям.

Заключение

Рассмотренные нами методологические и методические аспекты археологии Притомья Нового времени, конечно же, не исчерпывают всего их разнообразия. Представляется, что большинство из затронутых проблем может успешно разрабатываться в контексте междисциплинарности и комплексности исследований при доминировании исторической проблематики. В этом поможет не только использование практических наработок зарубежной постсредневековой археологии и российской археологии русского периода в освоении Сибири, но и богатый опыт сходных по структуре исследований, накопленный в российской этнографии, музеологии и архитектурной реставрации. Существенным подспорьем могут послужить возрождаемые принципы церковной археологии.

Стремление к реализации объективных требований междисциплинарности и комплексности археологических исследований объектов Нового времени, безусловно, со временем приведет к необходимости создания и специального научного направления. Но мы вынуждены отметить, что одна из немаловажных проблем для археологии Притомья Нового времени – это отсутствие кадров. Пока археологией Нового времени вынуждены заниматься специалисты иного профиля. Именно в силу этого методологические принципы этой работы, только часть которых была обозначена в статье, требуют к себе пристального внимания, а также широкого обсуждения.

Благодарности

Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

1. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.
2. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 295 с.
3. Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.
4. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск-Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2017. 360 с.
5. Ширин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск-Новокузнецк: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 27–78.
6. Первухина А. А. Парфюмерия, фармация, личная гигиена: возможности реконструкции по материалам археологических исследований культурного слоя г. Кургана XVIII–XIX в. // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 109–119.
7. Янченко Е. С. Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя г. Кургана на примере раскопа усадеб на углу улиц Советская и Пичугина // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 119–123.
8. Самигулов Г. Х., Васина Ю. В., Никитин А. Ю., Мишин С. А. Археологические исследования на территории усадьбы Покровских в г. Челябинске // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 125–133.
9. Practices of archaeological stratigraphy / ed. E. C. Harris. Academic Press, 2014, 296.
10. Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара (Москва, 10–20 февраля 2013 г.) М., 2014. С. 489–571.
11. Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. «Да дело, в общем, не в гусях, – а всё неладно!». Трудности атрибуции инвентаря постсредневековых памятников // ХМАО в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Вып. 17. С. 255–305.
12. Самигулов Г. Х. Еще раз о литых крестах-гельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях: мат-лы III Всерос. науч. конф. (Омск, 24–25 ноября 2008 г.) Омск, 2008. С. 202–221.
13. The Age of transition: the archaeology of English culture 1400–1600 / eds. D. R. Gaimster, P. Stamper. Oxford: Oxbow Books, 1997. 266 p.
14. Малых С. В. Комплекс предметов 1850-х гг. из раскопок на Садовнической улице в Москве // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2017 г. М.: САБ, 2018. Т. II. С. 252–287.
15. Культура русских в археологических исследованиях / под ред. А. В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. 580 с.
16. Лица первых иркутян / отв. ред. В. И. Молодин. Иркутск: Амтера, 2011. 84 с.
17. Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: мат-лы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Омск-Тара, 21–24 ноября 2011 г.) Омск, 2011. С. 416–422.
18. Загваздин Е. П. Первые исследования православного кладбища XVII–XVIII вв. в Абалакском Свято-Знаменском мужском монастыре (материалы раскопок 2007 года) // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: мат-лы межрегионального круглого стола (Курган, 8 декабря 2016 г.) Курган, 2016. С. 94–101.
19. Симонов Д. А., Ширин Ю. В. Исследование вероятных мест погребения Петра Томского в урочище Монашка // Археологические открытия. 2015 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 440.
20. Кимеев В. М. Русская колонизация как основа формирования шорского этноса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 67–78.
21. Зиняков Н. М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // Культура русских в археологических исследованиях / под ред. А. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 82–93.
22. Ширин Ю. В. Металлургический комплекс кузнецких татар на поселении Шартон 1 // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 192–201. DOI: 10.17223/19988613/62/22
23. Martyushov R. A., Shirin Yu. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk tatars // Byle Gody. 2018. Vol. 49. Iss. 3. P. 915–930. DOI: 10.13187/bg.2018.3.915

24. Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.
25. Чигрик Г. М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка в XVII в. // Русские говоры в Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 89–95.
26. Панов В. И. История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX вв.): областной и этнический состав переселенцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. Вып. 3. С. 36–53.

Issues of Researching the Modern-Time Sites of the Tom River Basin

Yuriy V. Shirin ^{a, b, @, ID}

^a Tomsk State University, Tomsk, Russia

^b Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), Novokuznetsk, Russia

@ shirin_a@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2116-1677>

Received 13.12.2019. Accepted 09.01.2020.

Abstract: The present research deals with methodical and methodological issues of the study of post-Medieval archaeological sites. The paper focuses on the features of related field and research lab work. The author believes that archeology plays an accessory role in Modern-Time studies, which was a period of radical changes in the demographic and a political situation of Siberia. These conditions triggered the development of new socio-territorial groups, which became involved in the globalization process. Therefore, regional historical problems can be resolved only taking into account a broad historical background. The post-Medieval archeology can significantly expand the range of sources for historians and ethnographers. However, the approach requires interdisciplinary interaction. Post-Medieval archeology can be successful only if it solves the tasks formulated by historians. The author proposes a comprehensive program for the accumulation and analysis of archaeological materials. The paper features the case of Modern-Time sites of the Tom River basin, namely the transformation of cultural complexes of the indigenous inhabitants of the Tom River basin in the XVII–XVIII centuries. This process was affected by various groups of Russian settlers and some Sayan-Altai ethnic groups. Therefore, the area of interest of archeology of the Modern Time is wider than "the Russian archeology" that developed in the recent years. As a result, post-Medieval archeology programs require a new methodical and methodological apparatus for scientific research and personnel training.

Keywords: post-Medieval archeology, ethnic interaction, Kuznetsk basin, assimilation, cultural heritage, methodology

For citation: Shirin Yu. V. Issues of Researching the Modern-Time Sites of the Tom River Basin. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 107–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-107-114>

References

1. Sadovoi A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late XIX – early XX centuries)*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992, 198. (In Russ.)
2. Kimeeva T. I. *The culture of the peoples of the Tom River area as a result of ethnic interaction (late XIX – early XX centuries)*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007, 295. (In Russ.)
3. Kimeev V. M., Kopytov A. I. *Mountain Shoria: history and modernity. Historical and ethnographic essays*. Кемерово: Primula, 2018, 600. (In Russ.)
4. Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. *Mangazeya: a polar city estate*. Nefteyugansk-Ekaterinburg: Izdatelskaia gruppa Karavan, 2017, 360. (In Russ.)
5. Shirin Yu. V. Archaeological study of Kuznetsk. *Kuznetsk antiquity. Novokuznetsk: 400 years in the history of Russia*. Tomsk-Novokuznetsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2018, 27–78. (In Russ.)
6. Pervukhina A. A. Perfumery, pharmacy, personal cleanliness: reconstruction possibilities based on the materials of archaeological investigation of Kurgan occupational layer of the 18–19th centuries. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016*. Kurgan, 2016, 109–119. (In Russ.)
7. Ianchenko E. S. Porcelain and faience artifacts from the Kurgan occupational layer through the example of the excavation on the territory of manor-houses at the corner of Sovetskaya and Pichugina streets. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016*. Kurgan, 2016, 119–123. (In Russ.)

8. Samigulov G. Kh., Vasina J. V., Nikitin A. U., Mishin S. A. Archaeological research in the territory of the Pokrovsky estate in Chelyabinsk. *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 125–133. (In Russ.)
9. *Practices of archaeological stratigraphy*, ed. Harris E. C. Academic Press, 2014, 296.
10. Koval V. Yu. The primary statistical fixation of the mass ceramic material on the Middle Ages sites (X–XVII centuries) and the early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe. *Archeology of Moscow Region*: Proc. Sci. Seminar, Moscow, February 10–20, 2013. Moscow, 2014, 489–571. (In Russ.)
11. Shirin Yu. V., Yakovlev Ya. A. "In general, it's not a matter of geese, but everything is not amiss!" Difficulty in defining of post-medieval archaeological sites' items. *Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past*. Tomsk-Hanty-Mansijsk, TSU, 2019, iss. 17, 255–305. (In Russ.)
12. Samigulov G. Kh. The issue of cast cross-pendants of the late XVII – mid XIX century revisited: the case Old Believer cross-pendants. *Russian culture in archaeological research*: Proc. III All-Russian Sci. Conf., Omsk, November 24–25, 2008. Omsk, 2008, 202–221. (In Russ.)
13. *The Age of transition: the archaeology of English culture 1400–1600*, eds. Gaimster D. R., Stamper P. Oxford: Oxbow Books, 1997, 266.
14. Malykh S. V. The complex of objects of the 1850's from excavations on Sadovnicheskaya street in Moscow. *Archeology of a Russian city. Materials of the scientific and practical seminar 2017*. Moscow: SAB, 2018, vol. II, 252–287. (In Russ.)
15. *Culture of Russians in archaeological researches*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Izdatelskii dom "Nauka", 2017, 580. (In Russ.)
16. *Faces of first Irkutsk inhabitants*, ed. Molodin V. I. Irkutsk: Amtera, 2011, 84. (In Russ.)
17. Shirin Yu. V. The funeral rite of the Christian cemeteries of Pritomye XVII–XVIII centuries. *Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies*: Sci. Conf., Omsk-Tara, November 21–24, 2011. Omsk, 2011, 416–422. (In Russ.)
18. Zagvazdin E. P. The first research of the 17–18th century Orthodox cemetery in Abalak Monastery (2007 archaeological excavation materials). *Archeology of the Middle Tobol Area and adjacent territories*: Proc. Interregional Round Table, Kurgan, December 8, 2016. Kurgan, 2016, 94–101. (In Russ.)
19. Simonov D. A., Shirin Yu. V. Investigation of the possible burial places of Pyotr of Tomsk in the Monashki tract. *Archaeological discoveries. 2015*, ed. Lopatin N. V. Moscow: Institute arkheologii RAN, 2017, 440. (In Russ.)
20. Kimeev V. M. The Russian colonization as the basis of the Shor ethnos. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 67–78. (In Russ.)
21. Zinyakov N. M. Blacksmithing specific nature in Kuznetsk Ostrog and the surrounding villages in the XVII–XVIII c. (on the basis of metallographic studies). *Culture of Russians in archaeological researches*, eds. Tataurova L. V., Borzunov V. A. Omsk-Tyumen-Ekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, 82–93. (In Russ.)
22. Shirin Yu. V. The kuznetsk tatars' bloomery complexes from site Sharton 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (62): 192–201. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/62/22
23. Martyushov R. A., Shirin Yu. V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk tatars. *Bylye Gody*, 2018, 49(3): 915–930. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2018.3.915
24. Skriabina L. A. *The Russians of the Tom River basin. Ethical and ethnographic essays (XVII – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130. (In Russ.)
25. Chigrik G. M. On the dialectal and national composition of the inhabitants of Kuznetsk in the XVII century. *Russian dialects in Siberia*, ed. Palagina V. V. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1971, 89–95. (In Russ.)
26. Panov V. I. The history of the settlement of the Kuznetsk district (XVII – early XX centuries): regional and ethnic composition of the migrants. *Kuznetsk antiquity*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, 1998, iss. 3, 36–53. (In Russ.)